

Диалог "Цирк" "Олимп"

начинать, понимая, что архитектура - это тяжелый, вязкий процесс. Ведь прежде чем стать счастливым в архитектуре, надо прожить в ней какой-то отрезок жизни и поверить в свою возможность быть таковым. В архитектуре нелегко приобрести славу, имя, так как каждая вещь делается долго: ее надо сначала запроектировать, затем построить... Затем доказать, что она еще ничего... Надо построить пару плохих или посредственных вещей, прежде чем сделаешь хорошую... Как это было совсем недавно? Архитектор коробку какую-то построит и уже вступает в Союз архитекторов. А появление нескольких арок на фасаде являлось достаточным поводом для того, чтобы все восклицали: "О-о, архитектурное произведение!" У самарцев есть очень незначительные шансы сделать вещи, которые смогут считаться АРХИТЕКТУРОЙ, несмотря даже на то, что нас очень подводит квалификация - и наша, и строителей. У нас талантливые люди, но мы опоздали давно.

- Надеюсь, не навсегда?

- Да, шансы есть. Это примерно то же, о чем недавно в одной из телепередач говорил режиссер Иван Дыховичный. Он рассуждал, что можно, конечно, любовную сцену снять классно, но ничего не повторяется. Нет такого мармелада, нет такой клубники, нет такого движения, нет такого акта, нет такой камеры, нет такой пленки, нет такого света, поэтому бесполезно повторять американцев. Бесполезно! Вот почему он и использует прием N 22, который позволяет ему без всего вышеозначенного делать только кино.

- Является ли сегодня актуальным один из лозунгов постмодернизма - соучастие будущих пользователей? Не означает ли это ориентацию на вкусы непосвященных и не обладающих сколько-нибудь серьезной культурной подготовкой людей?

- Проблема с клиентами в нашей ситуации выглядит достаточно парадоксальной.

Количество денег у заказчика чаще всего не совпадает с уровнем представлений об архитектуре. Но нам повезло, так как больше у нас все-таки государственных заказов - заказов от людей более просвещенных. Ведь если на Западе частный клиент более образован, чем государственный чиновник, у нас все наоборот. Наиболее умные, образованные люди не могут быть нашими клиентами постольку, поскольку они не имеют денег. Интеллигенция не имеет денег, но часть ее пробивается в руководство, к примеру, в администрацию и несет в себе понимание уровня. Эти люди, распоряжаясь государственными или федеральными деньгами, понимают, за что платят. Они могут назначить экспертизу, как-то проанализировать ситуацию. А частный заказчик этого не делает и не понимает. Для него архитектура, сделанная на уровне

детсадовской игрушки с башенками и кренделями, кажется верхом совершенства.

- Я знаю, что вы продолжаете заниматься и научной деятельностью. Расскажите о последних ваших публикациях в периодике.

- В 1995 году вышли две мои статьи. Одна из них называется "Знаки страны терпеливых". Она о поездке в Голландию, где мы принимали участие в выставке архитектурных проектов, посвященной конструктивизму, о голландцах, черта национального характера которых - толерантность. Они не гудят клаксонами, никого не торопят, объезжают спокойно, не ругаются, не кричат, не вопят. У них от природы такое чувство сдержанности.

Вторая статья о том, что у нас в городе, наконец, стали делать, как я их называю, "правильные дома".

Правильные дома не являются архитектурными произведениями потому, что в архитектурном произведении не всегда можно жить, архитектурное произведение очень часто как бы является просто культурной ценностью. Оно работает на некие идеалы и создается для того, чтобы люди задумывались о чем-то еще, кроме того, что у них уже есть. Поэтому архитектурные ценности являются отправной точкой для дальнейшей практической деятельности. А все, что касается правильной архитектуры, правильных домов - это просто архитектурная грамота, нормальное архитектурное мастерство. Как это ни парадоксально звучит, очень трудно сделать просто правильный дом, не типовой, так как в понятие правильности входят и этика, и эстетика, и понимание города, и понимание улицы, и понимание пространства. И это вовсе не попытка низвергнуть какие-то существующие архитектурные принципы, это нормальная, напряженная интеллектуальная работа.

- Что является вашей сверхзадачей сегодня?

- Выжить. Выжить для того, чтобы выжили красивые идеи, красивые чертежи. Чтобы в Самаре появились объекты, которые смогли бы стать настоящими архитектурными явлениями. А для того, чтобы выжить, извините за банальность, надо иметь одеяло, кружку, постель, холодильник...

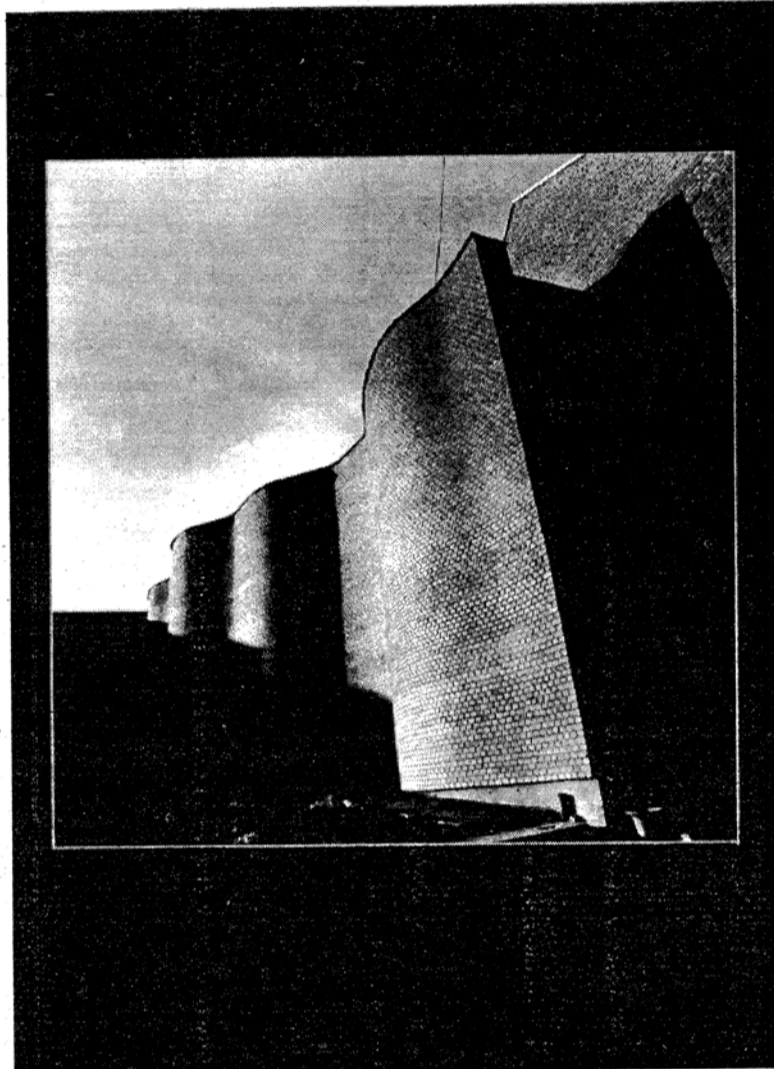
- Какая философия помогает вам выжить?

- Ирония. Только ирония...

Беседовала Татьяна Самойлова

BUREAU 'KOVCHEG' (ARK)
Sergei Malakhov. Architect

PROBNO BE, SAMARA-CITY 443000, RUSSIA. TEL. (843) 261-11-11
Дом Строителей, Самара, 1990

Дом строителей в Самаре. Волнистая стена - метафора исчезнувшего брандмауэра

Словарь "Цирк" "Олимп"

КИЧ (кич) - расхожее значение: безвкусица, вульгарная подделка, дешевка. Само слово, а следовательно, и попытка определения этого явления, появились в начале XX века, в связи с формированием массового рынка художественной продукции. Об этом свидетельствует этимология слова "КИЧ". По одной версии, оно ведет свое происхождение от немецкого музыкального жаргона начала XX века: "Kitsch" - значит "халтура". Другое объяснение возводит "кич" к глаголу "verkitschen" - "удешевлять". И, наконец, третье объяснение связывает его с английским выражением "for the kitchen", что означает "для кухни", при этом имеются в виду предметы плохого вкуса, недостойные лучшего применения.

Культурологов Запады явление кича интересует уже довольно давно, а в последнее время интересные работы, посвященные этой проблематике (например, эстрадная песня) появились и у нас.

Зарождение кича как явления культуры связано с изменением многовекового баланса между индивидуально-авторским и коллективным, фольклорным искусством. В тот период, когда последнее являлось продуктивным творчеством, опирающимся на актуальное коллективное мировосприятие, авторское искусство, фиксирующее индивидуально-личностную картину мира, было абсолютно противопоставлено фольклору, хотя бы в силу малой доступности его носителям. Дело в том, что коллективное сознание по своей природе прецедентно, ориентировано на традицию, на уходящие корнями в глубокую древность структуры и приемы, условно говоря, стереотипы. Эстетический эффект коллективного искусства во многом определяется его традиционностью, верностью старым испытанным приемам. Авторское творчество (как установка) всегда ориентировано на нарушение привычного, на новацию. Однако фольклор как искусство традиционной общности постепенно умирает (перестает быть продуктивным): личностное сознание становится массовым, а к середине XIX века появляется уже массовидная, тиражируемая личность (вспомним "Двойника" Ф.М.Достоевского). В культуре возникает довольно парадоксальная ситуация: масса, умеющая мыслить только стереотипами (в этом нет ничего плохого, такова уж ее природа), начинает усваивать парадигмы индивидуально-личностного сознания. Это и становится почвой кича.

Кич - это торжество стереотипа, который, однако, выдает себя за

оригинальность, несущую в себе сильный эмоциональный заряд. Кич буквально гоняется за патетическими эффектами. Может быть, поэтому он так любит эксплуатировать романтические приемы. Излюбленные "кирпичики", из которых кич лепит свою вселенную, - это мелодрама, аллегория, символ. Он часто усваивает приемы, отработанные высокой и даже элитарной культурой.

В киче весьма наглядно проявляется мифология, присущая обществу в определенный момент. Он с наивностью и откровенностью примитива демонстрирует и тиражирует эту мифологию, невольно ее при этом десакрализуя. Кич - это далеко не хаотичная безвкусица, здесь есть свои жесткие законы и структуры.

Последнее качество кича воспринято постмодернизмом, осознавшим кич как один из стилей культуры. При этом иногда, например, в русской культуре XX века, "игра с кичем" имеет некоторый оттенок фатальности и даже трагизма. Любопытный стиль рано или поздно будет усвоен кичем, а с другой стороны, рядовой, массовидный человек, вполне имеющий право на свой голос в искусстве, даже самые сокровенные свои чувства может выразить лишь на языке кича. Перефразируя Тютчева: "Мысль изреченная есть пошлость". Зачинателями этой традиции стилистического диалога с кичем можно считать М.Зощенко и Н.Олейникова.

Кич любит обывателя, делать домашними высокие идеологические мифы. Примером такого одомашнивания может служить знаменитая фотография Сталина с девочкой на руках. Идеологизированный кич инкогнито господствовал в советском искусстве 30-50-х годов. С этим массивом кича активно работало неофициальное искусство 70-80-х годов. Из стилистических обыгрываний кича наших дней, с его компотом из церкви, народности и американской мечты, можно назвать талантливую книгу Б.Кенджеева "Иван Безуглов", красноречиво обозначенную автором как мещанский роман.

Иногда стиливое обыгрывание кича именуют словом КЭМП (англ. "camp"), чтобы в очередной раз отличить искусство от его эрзаца.

И.Саморукова

1996 N8